

Вера Козловская

*Белое море,
Чёрное море*

Вера Козловская

Белое море, Черное море

«Издательские решения»

Козловская В.

Белое море, Черное море / В. Козловская — «Издательские решения»,

Жизнь постоянно ставит нас в тупик перед выбором. И только от нас зависит, куда мы направим свою лодку под названием «Судьба». Солёное море, сладкий поцелуй, горечь безысходности — все вкусы смешались в этом романе. Холодное Белое море и жаркое Чёрное слились в одно, перемешались и обрушились на героев, как цунами, накрыли их с головой и потащили по жизни. И очень трудно, но так необходимо воспрянуть из самой бездны и найти путь к спасению...

© Козловская В.

© Издательские решения

Содержание

1. Соня	6
2. Элеонора	7
3. Элеонора	8
4. Глеб	9
5. Антон	10
6. Соня	11
7. Артем	14
8. Антон	15
9. Антон	17
10. Глеб	21
11. Элеонора	22
12. Элеонора	23
13. Глеб	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Белое море, Черное море

Вера Козловская

© Вера Козловская, 2015

Фото на обложке и рисунки Вера Козловская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Соня

– Будь моей женой, – неожиданно сказал он, театрально встав на одно колено и протянув к ней руку.

– Клоун, – тихо ответила она, – и хотела уйти.

Но вдруг другой мужчина, тот, что моложе, тоже оказался перед ней на коленях и повторил жест старшего.

– Будь моей мамой.

Это уже было не смешно. В этих глазах уже не было игривости и лучистой искорки. Там была глубокая влажность, вот-вот готовая вырваться водопадом, бездонная и ждущая ответа. И она застыла:

– Вы шутите?

Никто не успел ответить, потому что случилось нечто. Вместо ответа, третий мужчина, пожилой и солидный, тяжело преклонил одно колено и, увидев перед собой два черных усталых омута, она услышала:

– Будь моей дочерью. Прошу...

Соня проснулась в слезах, пот струился по шее и груди.

«Что это было? Сон? Боже, какой яркий. Откуда он взялся? И эти мужчины... Я в полном смятении. Уже светает, скоро вставать, будильник еще, кажется, не звенел. Муж похрапывает рядом, вроде все хорошо. Но все же, эти мужчины... Лица нечеткие, но как будто знакомые. Странный сон...»

Сон был действительно странный и... довольно пикантный, поэтому Соня его так никогда и никому не рассказала.

2. Элеонора

– Анечка, Анютка, куда ты запропостилась? А, вот ты где, мой птенчик, – ворковала Элеонора, подзывая свою трехлетнюю дочку. Своего «ангелочка», свое «сокровище».

У нее было еще очень много ласковых слов для нее, для своей «кровиночки». С тех пор, как они переехали в этот дом у моря, она была счастлива. Море было холодное, северное, по берегам камни, и вода не нагревается здесь даже летом. Но все-таки это было море. Белое море. Под шум прибоя она засыпала вечерами. Утром, когда все еще спали, она любила накинуть плед и выйти на мостки, слушать глупых чаек, которые вечно между собой что-то делили. Любила наслаждаться плеском неспешных волн, то набегающих на камни, то откатывающихся вглубь. Они никуда не спешили, эти волны. Они вечные, куда им спешить. Они будут всегда. Это люди уходят и приходят, постоянно куда-то спешат, суетятся. А они... «Слыш-ш-шишь, слыш-ш-шишь? Нам нет никакого дела до человеческих проблем. Мы спокойно дыш-ш-шим, и у тебя все будет хорош-ш-шо».

Они ее успокаивали, умиротворяли. Она любила им отвечать:

– Слыш-ш-шу, слыш-ш-шу. У меня тоже теперь все хорошо. Как раньше...

3. Элеонора

А раньше действительно было все хорошо. Элеонора была спокойна и уверена в себе. У нее был замечательный муж, который любил и заботился о ней, обеспечивал семью, и, в общем, что еще нужно для счастья. Это была почти идеальная семья.

У нее было все. Не хватало только одного – полюбить его, но это ей как-то не удавалось. Но, впрочем, это не важно. Ей казалось, что это совсем не важно. Многие так живут, да еще и завидуют. Дом в достатке, почти «святой» муж, но главное, и это действительно, главное – у них был сын. Их единственный, любимый, ненаглядный Артемка, Темушка. Их первый, хотя, впрочем, и последний. Она это знала. И муж это знал.

Элеонора была уверена, что муж больше никогда не позволит ей иметь детей. А она хотела. Дочку. Ну или сына. Где один, там и другой. Если это будет девочка, то она будет самой красивой «снежинкой» на всех детских праздниках. Она будет ее баловать и менять ей бантики три раза в день. Они будут вместе печь ее любимые слоеные пирожки, заплетая тесто в косички. И ее ручки, и мордашка – вся будет белой, в муке.

Дочурка будет хлопать в ладошки и смеяться, тихо и звонко, как мама. У Элеоноры был чудесный смех, нежный и чистый, как будто перекликались японские трубочки-колокольчики, поющие «музыку ветра». И глаза будут мамины – огромные, серо-голубые. Их цвет будет меняться от настроения и времени суток. Утром они будут больше голубые, яркие и блестящие, а к вечеру усталые и задумчивые, и цвет их может быть серым, как небо перед дождем. Но главное – волосы. Пусть у нее будут длинные волосы. Как говорила бабушка Элеоноры, у женщины вся сила в волосах, и чем волосы длиннее, тем больше силы. «Я бы передала ей огненно-каштановую копну своих волнистых волос», – думала Элеонора.

Но он не хотел. Глеб не хотел больше детей. Он боялся.

4. Глеб

Глеб был старше Элеоноры на пятнадцать лет, умный, образованный, из прекрасной семьи потомственных военных. Это была «блестящая партия». Элеонора тоже была «из военных». Их семьи дружили, и Глеб часто бывал в их доме. Элеонора выросла красавицей у него на глазах. Они семьями переезжали из гарнизона в гарнизон, пока не осели под Архангельском. Она привыкла, что Глеб всегда где-то рядом. И когда ее отец погиб, выполняя свой долг, Глеб стал заботиться о ней. Элеонора с мамой всегда чувствовали рядом его мужское плечо. И вот случилось так, что он вошел в ее жизнь естественно и привычно, как будто по-другому и быть не могло.

А потом родился Темушка, и жизнь потекла молочной рекой, кисельными берегами. И ничего изменить уже было нельзя. Да и надо ли? От добра – добра не ищут. Глеб очень любил Артемку, но какой-то своей, скупой мужской любовью, «не разводя сырости», как он говорил. Порою, он был с ним строг, считая, что только так можно вырастить достойного мужчину. Но иногда они так расходились в играх, что люстра на потолке качалась от их топота, когда, завязав наискосок черной лентой свой глаз, «Кутузов со товарищи» шли в наступление. Ну каких еще игр ждать от мальчишек, пусть даже выросших, если «войнушка» в их гарнизонной жизни была везде – и дома, и на работе. И только игрушки у взрослых дядей тоже выросли.

Глеб был ужасным максималистом. У него все должно было быть по-максимуму. И в карьере тоже. Глеб Семенович уже был подполковником, и останавливаться на этом не собирался.

– Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, – любил повторять он слова французского императора и стремился к этому постоянно.

Но, надо отдать должное, он и вправду всегда знал, как надо. И удача любила его. Почти всегда. Кроме того случая, когда она, видимо, играла с ним в прятки и завязала глаза... Слепая фортуна!

5. АНТОН

Светаёт. Который час? Соня проснулась от жуткого предчувствия – сейчас начнется. Она уловила это почти физически. Антон зашелся в приступе кашля и молча вздрагивал плечами, с глухим свистом втягивая воздух. Он виновато смотрел на Соню, как бы оправдываясь, что вновь разбудил ее среди ночи. Но приступ не прекращался и, вместо вины, в его глазах появилась мольба, захватывающая и всепоглощающая. Жена знала, что нужно делать. Бегом, босиком на кухню. «Где он? Ну, давай же, куда ты подевался? Вот, нашла!» Спасительный баллончик с аэрозолем. Лекарство было доставлено вовремя. Несколько вдохов и Антон задышал. Окно нараспашку, дверь настежь – должен быть сквозняк! Мужу нужен свежий воздух.

– Дыши, родной, дыши.

У Антона была аллергия на сухой горячий воздух, сразу начинался приступ астмы. А сейчас уже вторую неделю стоит жара «под сорок», дышать нечем, воздух такой густой, хоть режь его ножом, как масло, и намазывай на хлеб. Голова кружится, мысли путаются и в глазах миражи – ну вот и началось. Соня работала медсестрой в роддоме Севастополя и не раз видела, какими тяжелыми могут быть приступы астмы. Да и врачи всегда говорили, что южный жаркий климат ему не подходит, ему нужна прохлада. Поехали бы куда-нибудь в Москву или в Ярославль – там было бы гораздо легче дышать. Но Антон любил море! Без моря он жить не мог. Ведь он был моряк.

И когда приступ астмы снова накатывал с головой, и в воздухе опять повисало его предчувствие, то кошки начинали скрестись у Сони где-то внутри, от бессилия и жалости к нему. Но жалеть его было нельзя, он этого категорически не любил. Антон долго служил военным спасателем на Черноморском флоте, но сейчас был уже в отставке – его списали по состоянию здоровья. Но разве моряк может быть бывшим?

– В тельняшке я родился, в тельняшке и умру, – говорил он.

– Да ты родился не в тельняшке, а в рубашке, так мама твоя говорила, – язвительно замечала Соня.

– Да, в рубашке, – соглашался Антон, – но рубашка была полосатая.

Врачи не раз говорили Соне, что если она хочет дожить с ним до серебряной свадьбы, то должна уговорить его переехать в прохладный климат.

– Да и Павлушке уже скоро семь лет, осенью ему идти в школу, и, если переезжать, то нужно уже решаться, ведь нельзя же ребенка дергать из школы в школу, – так Соня убеждала Антона, торопя его с переездом.

Но он только грустно смотрел своими карими глазами-вишнями на море, задумчиво поглаживая свой подбородок, заросший аккуратной ухоженной щетиной-бородкой от одного виска до другого, черной, как морская форма и колючей, как острые тонкие льдинки-иглолки зимнего Черного моря.

И переезжать не торопился, как будто предчувствуя что-то, и просил Соню еще немного подождать. Но Соня и сама прекрасно понимала, что для Антона море – это дело всей его жизни. Вернее, это было не дело жизни, а сама жизнь.

Так было принято в Севастополе, этом славном городе, почти во всех семьях – мужчины уходят в море, женщины ждут. Сначала ждут мужей, потом ждут сыновей. Мужчины в море скучают по дому, а когда приходят – скучают по морю. И это замкнутый круг. И не разорвать его никогда!

6. Соня

Спать не хотелось, первая ночь на новом месте прошла почти без сна. Накатывали воспоминания о старом доме, работе, друзьях и тревожил страх неизвестности. Как они здесь будут? Приходилось себя уговаривать: «Ты справишься, Соня. Работа и здесь найдется. И люди здесь, наверняка, хорошие живут. Найдешь себе подруг, будете устраивать посиделки с чаепитием. Заведете кошечку или собаку. Кошечку, конечно же, лучше, теплее и ближе к сердцу. Но зато собака сближает с соседями, да и Павлушка давно просит собаку. Ну, тогда заведем и то и другое – будет веселее».

Они все-таки переехали. У Сони в Архангельске жил отец. Они давно развелись с мамой, он уехал из Севастополя в Архангельск с новой женой, но детьми так и не обзавелся. Всеволоду Ивановичу было уже шестьдесят два года, жена умерла и он жил один в городской квартире. Но у него был еще дом на берегу Белого моря, куда он перебирался на лето. Хороший деревянный коттедж, теплый и большой, построенный по финской технологии.

Все лето Всеволод Иванович проводил в нем, а на зиму перебирался в город, поближе к поликлиникам и друзьям – домоседам. Вот он и предложил Сонечке переехать с мужем жить в этот дом. И Антон здоровье поправит, да и дочь с внуком будут ближе. Что ж на старости лет одному куковать в таком большом доме? В общем, это предложение пришлось, как нельзя, кстати. Это был хороший компромисс для всех, особенно для Антона. Ведь главное, что у него было – море. Пусть Белое, а не Черное, пусть холодное, а не теплое, но все-таки море.

Уже занимался рассвет. Вернее, Соня так думала, потому что было северное лето, и вместо ночи была светлая муть. А сейчас начало проясняться. Соня вышла на крыльцо. Боже, какой воздух! Она втянула носом это белое молоко. И запах! Пахнет дождем, росой, свежестью и еще чем-то неуловимым, совсем не как на теплом южном море. Соня накинула штормовку и побежала к берегу.

Бежать долго не пришлось, так как море было вот оно, на ладони, стоит только пересечь редкий кустарник и тропинка сама приведет на каменистый пляж. Она добежала до кромки воды, раскинула руки и подставила лицо ветру. А ветер, как будто, только этого и ждал – с огромным удовольствием стал ласкать ее щеки, нос, губы, разметал во все стороны ее соломенного цвета волосы и надул штормовку, как парус. Было чудесно!

Соня закрыла глаза и наслаждалась, чувствуя, как этот холодный ветер остужает ее ночные страхи, выдувает и уносит прочь переживания, и нагнетает в нее уверенность. Надежду, что теперь все будет хорошо, просто надо научиться жить на новом месте. Соня открыла глаза, опустила руки и медленно побрела по камням вдоль воды. Она была рада, что берег был пуст в столь ранний час, и надеялась привести свою загнанную карусель мыслей в порядок в полном одиночестве.

Но тут она увидела на берегу, на большом плоском камне фигурку в плаще. Это был невысокий худой юноша с вьющимися темными волосами. Услышав шум гальки под ее ногами, юноша обернулся, и Соня увидела испуганные глаза «оленя». «Бемби», – подумала она, мысленно улыбнувшись и вспомнив, как читала сыну удивительно трогательную сказку про олененка. На вид мальчишке было лет четырнадцать, не больше.

– Здравствуй, – сказала она, – прости, я тебя напугала.

– Да, – ответил он, засмутившись, – немного. Я каждое утро ловлю здесь рыбу, но Вас никогда не видел.

– Меня зовут Соня. Мой отец Всеволод Иванович, ты знаешь его? Мы с мужем и сыном переехали в этот дом, – махнула она рукой в сторону кустарника, – и теперь будем здесь жить.

– А-а, – протянул парнишка, – Всеволода Ивановича я знаю, он из Архангельска, да? А сколько лет Вашему сыну?

– Павлушке скоро семь, в этом году пойдет в школу. А тебе?

– Мне уже пятнадцать, – гордо объявил он, – жалко, что Ваш сын маловат еще, а то бы мы вместе ходили на рыбалку. А Ваш муж любит ловить рыбу? – спросил мальчик, успокоившись и заулыбавшись.

Улыбка его была обезоруживающей, естественной и открытой. И Соне показалось, что он улыбнулся ей, как очень давней знакомой. Соне сразу стало как-то легко на душе. Если здесь все люди такие приветливые, как этот подросток, то все будет хорошо.

Соня задумалась над его вопросом. Любит ли Антон рыбалку? Да не было лучшего рыбака на всем Черноморском побережье. После того, как его списали на берег, он не мог расстаться с морем и нашел себе хобби, которое стало и его работой, и его страстью.

Каждое утро он, на своем стареньком баркасе, выходил в море, рано-рано утром, пока свежо и прохладно. Когда один, когда с бригадой других рыбаков, после чего рыбу сдавали для продажи, оставляя немного себе. И почти не было утреннего Сониного пробуждения, которое бы не начиналось со слов:

– Сонюшка, просыпайся, посмотри, кто мне сегодня попался. Для своей золотой девочки я поймал золотую рыбку.

И начиналась захватывающая история заядлого рыбака, достойная удивительных приключений Джека Лондона, в которых старик всегда побеждает море. Антон взахлеб рассказывал, как он эту рыбку сначала подкармливал, готовя для нее самые изысканные гастрономические блюда с различными добавками и приправками. Потом, если он ловил удочкой, как он эту рыбку подсекал и вываживал, а она все сопротивлялась и не хотела покидать своего родного дома.

А Соня слушала эти рассказы, уже в который раз, но все равно кивала и удивлялась, какой он ловкий добытчик. И улыбалась, свернувшись сонным калачиком рядом с ним и положив ему голову на грудь. От тельняшки пахло морем и рыбой, и не было лучших минут за весь день, потому что потом начинались обычные будни, работа и хлопоты по дому.

Каждое утро Соня вставала на рассвете, чтобы собрать ему нехитрый перекус на рыбалку, проверить, не забыл ли он взять с собой баллончик от астмы и прошептать ему перед уходом:

– Не чешуйки тебе, не хвостика.

И потом ее любимый, махнув своей широкой жилистой ладонью, уходил в ночь. И сколько бы она ни желала ему не чешуйки, не хвостика – его удача не слушала ее, и Антон всегда возвращался с уловом. Ну или почти всегда, кроме того случая, когда он не вернулся с рыбалки...

– Соня, Вы меня слышите? – парнишка дергал ее за рукав.

– Да, извини, задумалась, – встрепелась она. – Муж очень любит рыбалку, он заядлый рыбак. Надеюсь, вы с ним подружитесь. И, кстати, думаю, что он очень обрадуется, если ты ему покажешь здешние рыбные места.

– Если хотите, я буду приносить вам рыбу, правда, она мелкая, но зато свежая, – опять улынулся от души паренек.

– Спасибо, – ответила Соня, – а как тебя зовут?

– Лев, – серьезно ответил он.

И у нее, почему-то, в улыбке растянулись губы, уж очень не вязалось это грозное имя с его худенькой фигуркой.

– Ну хорошо, Лёва. Рада была с тобой познакомиться. Приходи к нам сегодня вечером, часов в семь. Я испеку пирог – устроим новоселье. Познакомлю тебя с мужем и сыном. Придешь?

– Приду, – смело ответил Лев.

– Ну и отлично. А пока не чешуйки тебе, не хвостика, – хитро подмигнула ему Соня.

– Посмотрим, – приветливо ответил рыболов.

7. Артем

С самого раннего детства Артем всегда хотел быть моряком, впрочем, как и все его друзья, выросшие на море.

Когда Артему было 11 лет, Глеб договорился со своим старинным другом, чтобы его приняли в Нахимовское Санкт-Петербургское училище. Элеонора сильно переживала по этому поводу, она души не чаяла в сыне, и оторвать его от матери ей казалось кошунственным. Как он будет без нее, у него часто болит горло, ему нужно его полоскать, пить теплое молоко, а там что, казарма, мужики. Ни женской заботы, ни материнской ласки. Она была против, и не хотела его отпускать. Но Глеб был на стороне сына. Он приводил самые разумные доводы, что только вырвавшись от материнской опеки, мальчик сможет стать настоящим мужчиной, что только там он сможет пройти настоящую школу жизни и стать достойным человеком. И Элеонора сдалась.

Артем уехал, и они с Глебом остались вдвоем. Вначале, вроде, все было ничего – Элеонора работала библиотекарем в гарнизоне, Глеб нес службу, иногда приходили в гости друзья, пытаясь помочь им избавиться от чувства потери чего-то важного в их жизни, от чувства опустошения после разлуки с сыном. Но это становилось переносить все тяжелее.

Элеонора пыталась чем-то занять себя: читала книги, начала вышивать картины крестиком, даже пыталась рисовать акварелью. Но нитки, как и ее мысли, путались и рвались, а картины выходили очень мрачными. Чувство одиночества не проходило, как будто, какую-то огромную часть ее души вырвали и отправили вслед за сыном. И эту образовавшуюся пустоту она никак не могла ничем заполнить. Она страдала.

Хотя Артем и приезжал на каникулы, и она была безмерно счастлива в эти дни, но потом ведь наступал опять час разлуки. И за несколько дней до его отъезда она уже плакала и скучала по сыну, хотя он еще никуда не уезжал.

Прошло уже три года, а все не отпускало. И тогда Элеонора решила наполнить свою жизнь тем, чем она должна быть наполнена у женщины – детьми, смехом, заботами и игрушками. Она хотела родить еще ребенка. Ей было уже тридцать пять, а Глебу пятьдесят, и родить было уже давно пора. Сейчас или никогда – потом может быть уже поздно.

Элеонора решила поговорить с мужем. Приготовилась к долгим уговорам и борьбе, продумала тактику и стратегию действия, пути отхода, обороны и нового наступления. Она готова была биться за свою мечту до конца, но, как ни странно, ничего этого делать не пришлось. Глеб был умным мужчиной, любил свою жену и тонко почувствовал, как натянута до предела струна ее души. Он видел все ее переживания, хотя и не подавал виду. И когда она, собравшись с духом, все же заговорила с ним о ребенке – он не стал возражать.

И вот через несколько месяцев, она, счастливая, еле дождавшись прихода мужа со службы, сообщила ему радостную весть – у них будет ребенок. Глеб пытался держаться торжественно спокойно, но руки выдали его – они задрожали от волнения и глаза повлажнели от радости. Ему пятьдесят, и он снова станет отцом! А Элеонора просто светила от счастья и стала ждать этого таинства рождения с благоговением Мадонны.

8. АНТОН

Лев пришел ровно в семь, постучал в открытую дверь, переминаясь с ноги на ногу. В руках он держал пакет с утренним уловом. Антон увидел его первым, он уже ждал его с интересом после Сониного рассказа. Первым протянул ему открытую ладонь.

– Проходи, Лёва, проходи. Здравствуй, мы тебя ждали. Меня зовут Антон, будем знакомы.

– Лев, – повторил паренек, уже известное Антону имя. – Вот, я вам тут рыбы принес. Утром наловил.

– Спасибо, дружище. Надеюсь, мы теперь с тобой ни одного хвоста не упустим – все наши будут! Проходи, знакомься. Это Павел, – Антон подвел его к своему сыну.

Павел робко протянул ему свою руку. Но Лев с радостью, крепко, по-мужски, пожал ее и сказал:

– Не тушуйся, я тебя в обиду не дам. Да и никто обижать тебя не будет, у нас ребята хорошие.

– А я и не боюсь, – набравшись смелости, ответил Павлик.

– Ну и молодец, значит, подружился, – заверил его старший товарищ.

С кухни вышла Соня и, обрадовавшись появлению утреннего знакомого, сказала:

– Ну, я вижу, вы уже познакомились. Молодец Лева, что пришел. Давайте к столу. А за рыбу спасибо.

Мужчины быстро нашли общие темы для разговора, весело и оживленно болтали до самой темноты, а Лева все удивлялся:

– Ну, дядь Антон, все-таки как же вы решились оставить Черное море. Вот я всегда мечтал туда поехать. Там тепло, вода, говорят, как парное молоко, и дельфины есть, и медузы. Вот бы хоть раз их посмотреть. Разве сравнить Черное море с нашим Белым? Оно холодное. Зря вы оттуда уехали!

После этих слов Антон как-то сразу замолчал, затих, и Соня с тревогой стала поглядывать на мужа, и дальше разговор не заладился. Лева заметил, что сказал что-то не то, но не мог понять, в чем его вина. Почувствовав какое-то напряжение, сразу засобирился, сказал, что его ждет мама и хотел уходить. Антон подошел, взял его за плечо и сказал:

– Пойдем-ка, друг, я тебя провожу. По дороге и расскажу, почему я променял Черное море на Белое.

И они ушли. А Соня вышла на крылечко, посмотрела вслед их уходящим фигурам и присела на ступеньку.

Последней каплей, подтолкнувшей их к переезду, был тот страшный случай всего несколько месяцев назад, чуть было не стоящий Антону жизни. Он уехал, как всегда, рано утром. И, проснувшись уже засветло, она не услышала ласкового: «Сонюшка, вставай» и не увидела «золотой рыбки». Волнение охватило её, и предчувствие заскрежетало ржавым гвоздем где-то внутри. Она пыталась гнать от себя назойливые мысли и уже собиралась бежать на берег, искать Антона, пока Павлушка еще спал, но тут в дверь постучали. Тихо так, осторожно – и ее сердце оборвалось.

Она поняла, что страшась какая-то беда, еще ничего не услышав. Соня долго не могла заставить себя подойти к двери, но стучали опять и опять, и она решилась. На пороге стояли знакомые рыбаки. Соня ожидала услышать самое худшее, но они сказали, что Антон жив. Его нашли в пустом баркасе, который прибило к островам, где они ловили рыбу. Сначала рыбаки подумали, что он умер, но, втащив его к себе в лодку, увидели, что жив, дышит, только без сознания. Они знали Антона очень хорошо и знали о его астме, поэтому сразу стали искать в его лодке баллончик с лекарством. Но его там не было, должно быть выронил по неосторожности.

Рыбаки быстро, на моторке, отвезли Антона на берег, а затем на машине в ближайшую больницу. Врачи его откачали, но сказали, что если бы привезли его чуть позже, то Антона было бы уже не спасти.

Видно и вправду он родился в тельняшке. А может что-то еще не завершил в этой жизни, какие-то очень важные дела, предписанные Богом, вот он и вернул его обратно, к Черному морю. А теперь судьба закинула на Белое.

Так и вся наша жизнь – то черная, то белая, как шахматы. И, начиная игру, никогда не узнаешь заранее – когда будет шах и мат.

9. АНТОН

Левка стал частым гостем в семье Загорских. С Антоном они почти каждое утро, если только не штормило, выходили в море. На карельскую плоскодонку был установлен мощный мотор, и друзья любили уплыть вдвоем куда-нибудь далеко, обогнув хоровод маленьких и побольше, заросших лесом, островков. Любили причалить куда-нибудь в тихую заводь, на узенький песчаный пляжик, где рыба кормилась и чавкала на мелководье, смакуя каждый кусочек и не боясь, что ее потревожат.

Серпюкловые наглые чайки сидели на круглых валунах, как дозорные. Ждали зазевавшуюся рыбу, неосторожно высунувшуюся из воды, чтобы насладиться утренней трапезой. И тут же рыбы сами становились завтраком для чаек. Но не все птицы пытались поймать даже такую легкую добычу, многие предпочитали просто отнять пойманную рыбу у своих собратьев. И тогда начинался такой шум и гвалт, настоящие морские баталии разворачивались над тихой утренней гладью. Чайки-воровки иногда побеждали своих более мелких подруг, а иногда с позором бывали изгнаны ополчившейся на них стаей.

Часто рыбаки пробирались по узенькой речке, которая и на карте то не обозначена, такой неширокой, что ветви растущих по сторонам деревьев, склонялись над рекой и образовывали шатер, а иногда и живой туннель, который колыхался и шептал что-то невнятное прямо в уши. Порой ветки цеплялись за их штормовки, и тогда «робинзоны» с трудом расчищали себе дорогу сквозь них.

Над водой висел молочный туман, и только изумрудные стрекозы с выпученными глазами нарушали своими крыльями-трещотками тишину пробуждающейся реки.

Любили друзья побродить по островам, затерянным среди сурового моря, и почти каждый из этих островов был готов открыть для них все свои сокровища. На одном из них можно было найти «лисичковое» море, когда ступить было некуда, не затоптав крепенькие волнистые шляпки грибов. Тогда мужчины снимали рубашки и, не сходя с места, расчищали вокруг себя свободную полянку. И настроение моментально поднималось – то ли от их солнечно-апельсинового цвета, то ли от того, что они такие крепенькие и упругие, то ли от предвкушения жареной картошечки с грибами.

Иногда какой-нибудь остров представал перед ними сине-голубым от голубики, с высокими крепкими кустами и крупной душистой ягодой. И тогда, возвратившись домой, от пуза наевшись сочной голубики, Левка с удовольствием демонстрировал местным мальчишкам свой синий язык, как будто он макнул его в чернильницу. И мама все просила Левку вымыть его черные руки, но они все не отмывались – ведь краска была самая что ни на есть натуральная и долго-долго не хотела смываться.

Были острова желто-оранжевые от морошки, были красные от брусники и клюквы, а были серебряного цвета от разросшегося и склонившегося над водой ивняка с серебристыми сережками. В общем, эти северные острова в суровом холодном море тоже хотели нравиться и наряжались, как могли. Нужно было только разглядеть эту скупую красоту и принять ее сердцем и полюбить всей душой, что и происходило с теми, кому довелось там жить.

Иногда, когда море было тихое, они брали с собой и Павлушку, который был просто в восторге, что рядом с ним отец и друг, относившийся к мальчугану со всей заботой, совсем как старший брат. Павлик был очень горд, что принимает участие в таком интересном и важном мужском деле, чувствовал себя добытчиком. За одно это лето он как-то сразу посерьезнел и возмужал и сразу был принят в когорту поселковых ребят, съезжавшихся на летние каникулы на Белое море.

Тихими вечерами жители поселка, особенно детвора, группами собирались на морском берегу, жгли костры, кто-то из подростков брэнчал на гитаре, девчонки пели. Но самыми люби-

мами были у них вечера, когда кто-то из взрослых рассказывал о своей службе на море. Вся жизнь здесь была так или иначе связана с морем, мужчины служили на Северном флоте, и эти морские рассказы стали для мальчишек точкой отсчета, стартом в их судьбе, повлиявшим на выбор их дальнейшей профессии. Вот здесь, темными комариными вечерами, на брусничных берегах Белого моря и зарождались мечты стать моряками и подводниками.

Особый интерес у них вызывали рассказы Антона, ведь профессия у него была (хоть и в прошлом, но ведь моряки бывшими не бывают) самая почетная из морских. Все моряки, тьфу-тьфу, могли оказаться в ситуации, когда требовались спасатели. И мужество, с каким военные спасатели бросали вызов стихии, пытаясь вызволить из беды всех, попавших в ее объятия, было достойно благоговейного уважения.

– Пап, а расскажи про спасателей, – просил Павлушка.

И Антон не без гордости начинал:

– Вы знаете, ребята, что профессия спасателей на море – одна из самых почетных. Сколько раз наши корабли и поисковые катера помогали судам и самолетам, терпящим бедствие на воде. Круглосуточно мы были готовы выйти на аварию. Как «скорая» на суше, наши экипажи первыми спешили оказать помощь, попавшим в беду.

Мы спасали людей, тушили пожары, откачивали воду из затопленных отсеков, буксировали потерявшие ход корабли. Если было нужно, то выполняли и водолазные работы, заделывали пробоины и трещины.

Помню, в январе, буксировали во льдах поврежденный пограничный катер через Керченский пролив в порт Кавказ. Еле доставили. Погода была ужасная, холод и сильный ветер. Но мы справились и доставили катер вовремя.

А однажды поднимали подводную лодку, погибшую в 1941 году у острова Змеиный и затонувшую на глубине тридцать четыре метра. И ведь подняли. С такой глубины!

В другой раз мы проводили поиск и подъем артиллерийских снарядов у мыса Феолент. Глубина была около пятнадцати метров. Защитники Севастополя перед отступлением сбросили снаряды в море, и нашим водолазам пришлось с большой осторожностью выкапывать их из грунта и укладывать в специальные корзины. Затем снаряды поднимали на баржу и только потом обезвреживали.

А знаете, ребята, какие есть традиции у водолазов-спасателей?

– Нет, расскажите, дядь Антон, – закричали внимательные слушатели.

– Самые лучшие у водолазов традиции:

– Никогда не отступать!

– Не страшиться тяжелой работы!

– И как бы ни было трудно – поднимать корабли! Ну а потом на поднятом судне водружать красный флаг.

Ребята слушали Антона, притихнув и затаив дыхание, забыв про гитару. А Павлушка слушал отца в который раз и весь сиял от гордости, то ли за отца, то ли представляя себя частью этой спасательной бригады.

Павлик и сам часто оказывался в роли рассказчика. Его детство прошло на Черном море и ребята, выросшие на суровом Белом, просили его рассказывать о дельфинах, медузах, крабах и рапанах, которых они никогда не видели. И Павлик, оказавшись в центре внимания, с удовольствием, напевным южным говором, упоенно щебетал.

– Медузы – они такие красивые, как парашюты. Бывают разных цветов, и голубые, и белые, и оранжевые. Бывают маленькие и большие. Когда нарождается много маленьких медузят, их волной выносит на берег, и они могут погибнуть без воды. Так мы с ребятами их тоже спасали – относили подальше в море и выпускали. Но многие из них кусачие, могут ужалить очень больно и будет ожог. Лучше их вовсе не трогать. А еще мы рапанов собирали.

– А кто такие рапаны? – спросила одна девочка.

– Рапаны это такие ракушки морские крученые, как спираль. Там живет моллюск, а это его броня. И дом тоже. Мы собирали их на сваях вместе с мидиями, это тоже раковины, только плоские, из двух створок состоят. Ну, мы их наберем целую сетку с ребятами и домой несем. А дома их в кипящую воду бросишь, мидии створки то и открывают, и рапаны тоже съедобные. Вкусные! Считается дели-та-пес.

– Деликатес, – поправил папа.

– Да, точно. А дельфины – они умные, как люди. Они никогда не обидят человека. И если человек будет тонуть – они его спасут. А еще их боятся даже акулы. Были случаи, что стая дельфинов спасала человека от акул.

Антон ласково потрепал покрасневшего от жаркого костра и от внимания пацанов сына по плечу и добавил:

– А вы знаете, что дельфины не только спасают людей, попавших в беду, но и работают спасателями. Дельфины были официально зачислены в спецгруппу, созданную для несения службы. Был даже специальный дельфиний спецназ. Это была очень необычная для флота группа. Ее создали ученые Океанариума Военно-морского флота в семидесятые годы. Вообще, дельфины – удивительные животные. Они обладают совершенными способностями гидролокации, то есть они могут определять местоположение объекта, находящегося на воде или под водой, при помощи акустических сигналов.

И удивительно, насколько они готовы сотрудничать с человеком. Язык не поворачивается назвать это дрессировкой, они с удовольствием работают с людьми и становятся им преданными друзьями.

Вот, помню, в 1976 году в эту спецгруппу входило четыре дельфина. Их готовили в Океанариуме, все они были очень умными. Но один из них, Геркулес, нас особенно поражал. Однажды на рейде Бельбек он обнаружил затонувшую торпеду на глубине пятьдесят один метр, и не просто обнаружил, а обозначил это место, и после этого мы смогли ее обезвредить.

Затем, более сорока затонувших торпед, мин, ракет были обнаружены служебными дельфинами. Они находили обломки самолетов, якоря и даже древние керамические сосуды. Один из таких сосудов передали в Севастопольский океанариум, он до сих пор там хранится. Будете там – посмотрите.

А потом создали еще одну группу спецназначения – для борьбы с подводными диверсантами. Служебные дельфины обнаруживали подводных пловцов, которые хотели проникнуть в Севастопольскую бухту. Эхолокаторы не могли засесть человека в ластах, и только бдительные дельфины могли предотвратить подводную диверсию.

– А мне отец рассказывал, – вступил в разговор один парнишка, – что у нас на Северном флоте работали спецназовцами тюлени и морские львы.

– Да, точно, а еще использовали китов-белух, – согласился Антон.

– Ух ты, здорово! – восхищенно закивали мальчишки.

– Ну ладно, ребята, засиделись мы с вами. Вас давно уже дома, наверное, разыскивают.

– Ага, – засмеялись мальчишки, – со служебными дельфинами.

– Ну, с дельфинами не знаю, а вот со служебными собаками точно вас искать будут. Марш домой!

И веселая ватага, не спеша, стала расходиться по домам, обсуждая по дороге, что еще необычного могли бы выполнять дельфины.

Жил с ними в это первое лето и Всеволод Иванович, Сонин отец. Иногда и он вдруг засобирается с ними на рыбалку, наслушавшись захватывающих рыбацких историй. Но, когда еще затемно, Антон тихо будил его, Всеволод Иванович начинал жаловаться, что плохо себя чувствует, ноги ломят и, вообще, в такую рань «еще даже петухи не пропели» – и оставался дома. Рыбалка, видимо, не была его призванием, не захватила такой страстью, какой болел ею Антон.

Но зато у Антона появился неизменный товарищ и напарник Лева. Пятнадцатилетнему подростку было очень интересно с Антоном, хотя тому было уже тридцать восемь. К тому же сказало Лёвино безотцовское детство. Да и Павлушка к ним тянулся. Ведь дружба не знает ни границ, ни возраста, тем более, что их объединяла одна большая любовь к морю и страсть к рыбалке.

10. Глеб

Прошло три месяца, как Элеонора носила под сердцем малыша. С утра она встала пораньше – не спалось. Сегодня она узнает одну очень большую тайну. Она хотела это поскорее узнать, но все-таки не торопилась, как будто чего-то боялась.

– Ленора, ты что сегодня с утра такая загадочная? Улыбаешься, как Мона Лиза... Ты что-то задумала, моя хитренькая лисонька?

– Глеб, я еду в город, к врачу. Сегодня мне будут делать УЗИ, и я узнаю кто там. Ты хочешь узнать, кто у нас родится – еще один сын или дочка?

– Родная моя, – Глеб сделал нарочито серьезное лицо, – конечно, для перехода Кутузова через Альпы нам нужны только мужчины, но если ты родишь мне дочку, – он расплылся в широкой улыбке, – то я буду самым счастливым отцом на свете. К тому же у меня тогда будет полный боекомплект – и сын, и дочь.

Элеонора засмеялась своим чистым, звонким смехом.

– Опять твои армейские шутки, вояка.

Глеб притянул ее к себе и крепко обнял.

– Роди мне дочку, родная. И чтобы она была похожа на тебя.

– Это уж как получится, Глебушка. Ну, давай, собирайся на службу, а то опоздаешь. Да и мне пора, автобус скоро.

11. Элеонора

Врач в городской больнице, Лидия Семеновна, была очень приветливая пожилая женщина. Она вела не одно поколение рожениц в этом городе и знала мам и даже некоторых бабушек, которые у нее наблюдались. Она помнила имена и обстоятельства родов ее подопечных и всегда спрашивала об их судьбе, если представлялась такая возможность. Вот и сейчас, увидев Элеонору, она защебетала:

– Ленорочка, девочка моя, как я рада тебя видеть. Как поживает твоя мама, Надежда Борисовна? Она в добром здравии? – И, услышав, что все хорошо, добавила, – ну-ну, передавай ей от меня большой привет. Ну а ты как, моя хорошая? Как самочувствие? У нас сегодня важный день, ты помнишь? Ложись, Ленорочка, сейчас я тебя посмотрю.

Пока пациентка устраивалась на кушетке, Лидия Семеновна включила аппарат УЗИ и, когда все было готово и на экране появилась четкая картинка, она закудаhtала, как наседка:

– Ой, да кто же у нас тут такой красивый? Да вот же у нас какие маленькие ручки, ножки. Ну-ка, ну-ка, повернись другим бочком. Вот так, вот умница. Да это у нас девочка, еще одна красавица, вся в маму. Сейчас я сделаю твою фотографию, и вы ее отвезете папочке. Порадуйте. Папа-то кого хочет? Небось, мальчика? Все они, отцы, мальчиков хотят, будто футбольную команду собирают. А девчонки-то ближе к отцам, ласковее. Ну одевайся, милая, все хорошо.

После этого Лидия Семеновна села записывать данные в карту, а Ленора оделась и, взяв снимок УЗИ, выпорхнула из кабинета с глуповатой и счастливой улыбкой. «Все-таки, девочка, – как хотели она и Глеб. – Вот Глебушка обрадуется! Теперь у нас, наконец-то, будет мальчик и девочка. В общем, полный боекомплект!»

12. Элеонора

Автобус отошел от остановки точно по расписанию. Элеонора уселась около окошка, да так и сидела с этой благодатной, загадочной улыбкой, пока водитель выруливал с автовокзала на шоссе и вез ее тайну, раскрытую, но известную пока только ей.

Напротив сидел кареглазый мальчишка, лет шести-семи, с мамой, прижимая к себе модель корабля в коробке. «Наверное, подарили на День рождения», – почему-то подумала Элеонора. Корабль был «Варяг» – грозный и строгий. И у мальчишки вид был очень торжественный, видно он очень гордился этим подарком.

– Кто тебе подарил такой красивый корабль? – поинтересовалась Элеонора у мальчика.

– Дедушка, – с гордостью ответил кареглазый. – На День рожденья.

– А кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – спросила Ленора, заранее зная ответ.

– Моряком, конечно, – даже как-то обиделся мальчик. – И служить на Черном море, спасателем.

Элеонора вскинула на него удивленные брови. Хотеть стать моряком было естественно в Архангельске, но на Белом море, а он хотел служить на Черном. Элеонора перевела взгляд на его маму, симпатичную молодую женщину, со светлыми волосами, и та улыбнулась ей в ответ.

– Наш папа служил на Черном море, вот и он тоже хочет. Как папа.

Мальчик тоже хотел что-то добавить, но не успел, потому что дальше случилось нечто ужасное...

С утра шел мелкий дождь, дорога была мокрая и скользкая, и какой-то лихач на белых Жигулях не справился с управлением и выскочил на встречную полосу. Автобус резко затормозил, вывернул вправо, надеясь уйти от удара, но не успел. Жигули на полной скорости врезались в бок автобуса, вздыбились, как строптивый конь, и со страшной силой грохнулись на дорогу, полностью смяв свой капот.

Автобус повредился не так сильно, только большая вмятина осталась ближе к водительскому месту. Но от удара посыпались стекла, автобус съехал с дороги, несколько раз перевернулся с высокой обочины и неуклюже завалился в кювет, увлекая за собой пассажиров. Люди посыпались, как спелые яблоки, придавливая друг друга.

Все произошло так быстро, что никто толком не смог ничего понять. Только удар и дальше крики, стоны и полет в неизвестность. А сверху на них падали другие. Когда все утихло, люди начали потихоньку, кто мог, выбираться из разбитых окон, царапая об острые кромки разбитых стекол лица и руки. Пассажиры, те, кто уже смог вылезти, начали помогать другим.

Почему-то было очень тихо. Все разговаривали шепотом, как будто боялись разбудить кого-то... И вдруг послышался плач. Тихий, детский. Это был тот мальчик с «Варягом». Он тормошил женщину, которая застряла под сиденьем, и звал ее.

– Мама, мамочка, проснись, мне больно, – и плакал, плакал.

И тут мужчина, откуда-то с обочины, недалеко от автобуса, закричал:

– Павлик, Павлуша, я здесь, я сейчас.

Он попытался встать, но только застонал от боли, затем ползти, но неестественно вывернутая нога не давала ему двигаться, и он отчаялся.

– Помогите! – закричал он.

Кто-то подбежал к нему.

– Да не мне, со мной все нормально. Там моя жена и сын. Павлик, сынок, с тобой все в порядке? Где мама? – звал он.

– Папа, я застрял, я никак не могу вылезти, мне ноги придавило. А мама не отвечает, я никак не могу ее разбудить.

Несколько пассажиров, трое мужчин и одна молодая девушка, попытались приподнять автобус, чтобы помочь мальчику, но они не смогли – им не хватало сил. А мальчик тихо плакал, приговаривая:

– Папа, мне больно, папочка, я боюсь.

Это было ужасно... Элеонора к этому времени уже выползла на четвереньках из разбитого автобуса и сидела на мокрой земле, обхватив колени руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Все были в шоке, и только тихий плач этого маленького мальчика проникал во все закоулки вдруг рухнувшей души. Элеонору всю трясло, как от жуткого холода. Отец мальчика все же подполз ближе к автобусу и все шептал:

– Сейчас, сейчас, малыш, потерпи. Сейчас все будет хорошо.

Он попытался вместе со всеми приподнять автобус, но тот не поддавался.

Мужчина огляделся, мужчин больше не было, только две очень пожилые женщины сидели на старом спиленном дереве.

– Вы можете нам помочь? – обратился он к Элеоноре голосом, полным отчаяния.

– Я? Да, конечно... сейчас. – Элеонора очнулась от оцепенения и, пошатываясь, подошла к автобусу.

Она только минуту успела подумать: «А если бы это был мой сын, неужели ему никто не смог бы помочь?» Элеонора пристроилась рядом с другими, кто-то скомандовал «Раз, два, взяли», и она рванула этот проклятый металлолом изо всех сил, что у нее были, лишь бы не видеть снова молящих о помощи глаз, не слышать больше тихий плач ребенка и поскорее закончить весь этот ужас!

Говорят, что в критической ситуации силы умножаются многократно и человек способен на многое. Видимо это так, потому что многотонная груда металла вдруг заскрипела, поддалась нескольким слабым человеческим телам и опрокинулась с грохотом на колеса. Возглас облегчения пронесся в воздухе. Павлика вытащили, у него были придавлены ноги, но он был спасен. В отличии от его мамы... Которая навсегда запомнится ребенку, как уснувшая в автобусе.

Вокруг начали останавливаться машины и собираться люди. У Элеоноры вдруг резко заболел живот, так сильно, что она схватилась за него, медленно осела на землю и в глазах у нее потемнело. Последнее, что она услышала, был сигнал «скорой помощи», которая спешила спасти тех, к кому Бог все еще был милосерден и не спешил забирать...

13. Глеб

У Глеба Максимовича сегодня было очень много забот. Собиралась приехать высокая комиссия из Москвы, и нужно было все проверить, все тщательно подготовить. Полковник любил все держать под личным контролем и не любил ударять в грязь лицом.

С утра все навалилось, и даже свой любимый чай с бергамотом ему некогда было выпить. Обед тоже получился скомканным, наспех. В офицерской столовой почти никого не было, все тоже торопились навести последний марафет в своих подразделениях, так что компания не склотила, поговорить было не с кем, а посему и расслаживаться не пришлось.

После обеда Глеб Максимович вернулся в свой кабинет и только взялся за телефон, чтобы переговорить по важному делу, как трубка загудела у него в руках. Звонили из городской больницы. Попросили его и, как только ему сказали, что дело касается его жены, у него внутри все похолодело. Ему сообщили об аварии, попросили приехать в больницу. Уже давно в трубке были гудки, но Глеб все еще не мог прийти в себя. Весь бледный, он держал трубку и не мог сосредоточиться...

Выйдя из оцепенения, он решил, что должен срочно что-то делать. Выбежав в коридор и отдав распоряжения дежурному, он побежал к машине. Его водитель хотел сесть за руль, но полковник отпихнул его, закричал «Я сам» и дрожащими руками вставил ключ в зажигание. Как он доехал до больницы, Глеб не помнил.

Он поехал короткой дорогой, через пролесок, поэтому не видел, и это было к лучшему, как оцепили место аварии на дороге, как там работала автоинспекция и следователи, и как рядом, включая водителя, лежали накрытые покрывалами не выжившие пассажиры. Тех, кто пострадал, отвезли в больницы города. Но «скорые» еще оставались около этого страшного места, боясь за приехавших родственников, которым требовалась не меньшая помощь, чем пострадавшим.

Глеб всего этого не видел. Он несся на запредельной скорости по проселочной дороге, ухая на всем ходу в ямы и рискуя застрять в них навсегда. Ему почему-то казалось, что чем быстрее он доедет до больницы, тем быстрее там все разрешится.

В больнице ему сказали, что Элеонора находится в операционной, и к ней пройти нельзя. Но к нему сейчас выйдет врач и все расскажет. Полковнику предложили присесть, но он не мог сидеть неподвижно ни одной секунды. Он ходил по коридору быстрым, почти строевым шагом, и эхо его шагов жутко раздражало медперсонал, но никто из них не рискнул сделать ему замечание, видя его отчаянное состояние.

Он прождал полчаса, потом вышел врач. Это был пожилой усталый мужчина, с бородкой клинышком, как у Калинина, да и фамилия, как потом узнал Глеб, была соответствующая – Калининков. Отведя полковника в сторону и видя, что перед ним сильный человек, которому можно сказать всю правду сразу, не подбирая утешительных слов, он сообщил, что Элеонора «надорвалась», поднимая автобус вместе с другими, что она – герой, спасла жизнь ребенка, правда ценой жизни своего собственного дитя. Врач не стал вдаваться в медицинские подробности, но повторил еще раз четко и отдельно, видя, что полковник в полной прострации:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.